

«Русский вопрос» на конференции Антанты в Каннах*

Искандэр Магадеев

МГИМО-Университет,
Москва, Россия

The Russian Question at the Entente Conference in Cannes

Iskander Magadeev

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University),
Moscow, Russia

This article aims to explore the significance of the “Russian question” at the Entente conference in Cannes, putting it into the European political context of October 1921 – January 1922. The author pays special attention to the two important rounds of the international negotiations, i. e., to the Anglo-French discussions in London in December 1921 and to the meeting of the Entente Supreme Council in Cannes itself (6–13 January 1922). The “Russian question” was one of the three key topics of these conferences; however, to the other matters (German reparations and Anglo-French security pact), it is under-researched. Besides the published diplomatic documents, the author refers to new evidence drawn from the national archives of France, Great Britain, and Belgium. The article concludes that the negotiations in London and Cannes mirrored the “Russian question”, as it stood in European politics at the end of 1921 and the beginning of 1922. D. Lloyd George, UK prime minister and initiator of the Genoa conference, was eager to use the “Russian question” as a means to further British interests, transform the Soviet regime, and reconstruct and appease Europe. It involved reducing tensions as a result of a non-aggression pact that did not impose any obligations on the UK in Eastern Europe. From the trade and economic points of view, the emphasis was put on the international consortium aimed at consolidating Western business in Russia, giving German industry leadership in the field. Nevertheless, an important part of eventual German profits in Russia would go to France and the UK as reparations. The development of the Cannes conference, which resulted in the resignation of the French cabinet led by A. Briand, showed that the “Russian question” was not

* Citation: Magadeev, I. (2022). *The Russian Question* at the Entente Conference in Cannes. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 723–738. DOI 10.15826/qr.2022.2.698.

Цитирование: Magadeev I. *The Russian Question* at the Entente Conference in Cannes // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 723–738. DOI 10.15826/qr.2022.2.698 / Магадеев И. «Русский вопрос» на конференции Антанты в Каннах // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 723–738. DOI 10.15826/qr.2022.2.698.

only a topic of high politics, but also directly concerned the wider public and elites. Accelerating Briand's dismissal, Lloyd George found a more stubborn opponent in his successor, R. Poincaré. As the prologue to Genoa, the Cannes meeting outlined some of its future problems as well.

Keywords: "Russian question", international relations, international consortium, reparations, tsarist debts, Cannes Conference, Entente, Lloyd George, Aristide Briand

Цель статьи – выявить место и значение «русского вопроса» на Каннской конференции стран Антанты, поместив его в контекст европейской политики октября 1921 – января 1922 г. В центре внимания находятся два важных раунда международных переговоров – англо-французские дискуссии в Лондоне в декабре 1921 г. и собственно совещание Верховного совета Антанты в Каннах (6–13 января 1922 г.). «Русский вопрос» был одним из ключевых на указанных встречах, однако дискуссиям по нему исследователи уделяли меньше внимания, чем другим проблемам тогдашней европейской политики (германским репарациям и англо-французскому пакту). Помимо опубликованных дипломатических документов, привлечены материалы из архивов Франции, Великобритании и Бельгии. Сделан вывод о том, что переговоры в Лондоне и Каннах зафиксировали основные грани «русского вопроса» в той форме, в какой он стоял в европейской политике в конце 1921 – начале 1922 г. Премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж, инициатор Генуэзской конференции, рассчитывал использовать «русский вопрос» в интересах Великобритании и содействовать трансформации советского режима в рамках проекта по реконструкции и «умиротворению» Европы. Речь шла о снижении напряженности за счет пакта о ненападении, не накладывавшего на Великобританию специальных обязательств на востоке Европы. В торгово-экономическом аспекте проект международного консорциума должен был консолидировать западный бизнес в деле использования России при негласном немецком лидерстве на этом направлении. Вместе с тем весомая доля плодов германской активности перетекала бы во Францию и Великобританию в виде репараций. Ход Каннской конференции, приведший к отставке председателя Совета министров Франции А. Бриана, продемонстрировал, что «русский вопрос» не только был предметом дипломатии, но и затрагивал материальные интересы широких слоев населения и элит. Поспособствовав падению кабинета Бриана, Ллойд Джордж натолкнулся в лице его преемника Р. Пуанкаре на более жесткого партнера. Став прологом Генуи, Каннская конференция наметила ряд будущих проблем.

Ключевые слова: международные отношения, международный консорциум, репарации, Каннская конференция, Антанта, Ллойд Джордж, Аристид Бриан

В отличие от Генуэзской конференции 1922 г., англо-французские переговоры в Лондоне в декабре 1921 г., а также совещание Верховного совета Антанты (ВСА) в Каннах, состоявшееся в январе 1922 г. и предварявшее Геную, удостоились меньшего внимания в историографии. Это объяснимо тем, что историческое значение указанных встреч разнилось: переговоры в Лондоне и совещание ВСА в Каннах, с точки зрения премьер-министра Великобритании Д. Ллойд Джорджа, инициатора Генуэзской конференции, должны были подготовить последнюю. Именно Генуе Ллойд Джордж отводил ключевую роль в стабилизации торгово-экономической ситуации и снижении военно-политической напряженности в Европе [Хормач; White]. Вместе с тем британский политик понимал, что без Канн не может быть Генуи. Он характеризовал каннскую встречу как «наиболее значительную из серии конференций, которые состоялись после заключения [Компъенского] перемирия» [DBFP, vol. 19, p. 19].

Выявление значения «русского вопроса» на Каннской конференции стран Антанты в контексте европейской политики (октябрь 1921 – январь 1922 г.) ставит в центр внимания два важных раунда международных переговоров – англо-французские дискуссии в Лондоне в декабре 1921 г. и собственно совещание ВСА в Каннах (6–13 января 1922 г.).

«Русский вопрос» был одним из ключевых на указанных встречах, однако дискуссиям по нему исследователи уделяли меньше внимания, чем обсуждению германских репараций [Аршинцева; Fink, p. 36–43] и англо-французского пакта. Под последним подразумевалось прежде всего предоставление Великобританией гарантий безопасности Франции на случай неспровоцированной агрессии Германии. Дискуссии по пакту проходили преимущественно в двустороннем формате, между Ллойд Джорджем и А. Брианом, председателем Совета министров и министром иностранных дел Франции [Магадеев, с. 259–276]. Даже исследователи, которые рассматривали место «русского вопроса» в 1921–1922 г., как правило, были сосредоточены на отдельных его аспектах – роли Советской России в экономической реконструкции Европы [Hogenhuis-Seliverstoff], месте Страны Советов в европейском балансе сил и двустороннем взаимодействии с ведущими западными державами [Сергеев; Враг, противник, союзник?]. Совокупное изучение различных аспектов «русского вопроса» позволяет продемонстрировать взаимосвязь экономических и военно-политических факторов в развитии международных отношений в Старом Свете в начале 1920-х гг., а также способствует выявлению сложностей при одобрении политических решений, согласованных дипломатами, внутри стран-участниц, демонстрируя взаимосвязь между отношениями западных стран с большевиками и общими вопросами реконструкции Европы.

Источниковую базу исследования составили как известные документы [ДВП СССР, т. 4, 5; DBFP, vol. 15, 19; DDF, 2005a; DDF, 2005b; DDF, 2007; FRUS], так и новые архивные материалы. Среди послед-

них – документы личного фонда президента А. Мильберана из Национального архива Франции [AN. Sous-série 470. AP. Vol. 81], документы из фонда Кабинета министров Национального архива Великобритании [TNA. Cab. 23/27, 24/131. 24/132, 31/11], стенограммы заседаний Совета министров Бельгии [Conseil des ministres, 28 décembre 1921; Conseil des ministres, 16 janvier 1922].

Указанные источники дают достаточно полную картину дискуссий по «русскому вопросу» в Лондоне и Каннах. Преимущественное внимание, уделяемое британским и французским документам, корреспондирует с внешнеполитическим весом держав Антанты. Как не раз подчеркивал Ллойд Джордж, ключевым он считал достижение договоренности именно между Лондоном и Парижем, к которой следовало привлечь Германию, а при возможности – США [DBFP, vol. 15, p. 773, 781].

На пути в Канны: дискуссии по «русскому вопросу»

«Русский вопрос» в европейской политике конца 1921 – начала 1922 г. включал в себя три взаимосвязанных компонента: выстраивание западными государствами политического взаимодействия с советским правительством при отсутствии официальных отношений с Москвой; снижение военной напряженности на западных границах Страны Советов; проект международного консорциума (также фигурировал как синдикат или корпорация) для выстраивания торгово-экономических отношений с советской Россией.

Линии водораздела, обозначенные Первой мировой войной, были видны и три года спустя. Для ряда военных и политических деятелей Германии советская Россия выступала точкой опоры в Европе. Развивая прошлые концепции, начальник войскового управления рейхсвера генерал Х. фон Сект в речи от 11 сентября 1922 г. подчеркивал: «Связь Германии с Россией является первым и до сих пор едва ли не единственным источником силы, полученным нами со времен заключения мира» [История Германии, с. 348].

Напротив, с точки зрения французских политиков и военных, советско-германское взаимодействие было крайне негативным фактором европейской политики. Бриан в записке от 12 июля 1921 г., адресованной своему доверенному лицу бизнесмену и политику Л. Лушэру, подчеркнул силу германского присутствия в Стране Советов. Это обстоятельство требовало от Франции «как никогда ранее следить за тем, чтобы Германия выполняла обязательства по репарациям и не могла выйти из-под нашего влияния, бросившись в сторону России, учитывая, что этот шаг может одобрить Англия»¹ [DDE, 2005а, р. 40–41]. Русский и германский «вопросы» были связаны самым тесным образом не только во французских оценках, но и в практике тогдашних международных отношений.

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

В отличие от Бриана, Ллойд Джордж, пусть поддерживаемый не всеми в британском руководстве, рассчитывал использовать немецкую активность в советской России для развития торговых отношений между западом и востоком Европы. Этот процесс должен был поспособствовать росту внешнеторгового оборота Британии, а также облегчить бремя безработицы в стране. К тому же Ллойд Джордж надеялся, что поддержание контактов с большевиками поспособствует «нормализации» и трансформации советского режима в сторону умеренности (это был один из резонансов заключения советско-британского торгового соглашения от 16 марта 1921 г.) [Сергеев, с. 322–325; Магадеев, с. 765].

К осени 1921 г. на фоне относительного снижения военно-политической напряженности стали разрабатываться новые планы по активизации торгово-экономических обменов в Европе. Проблема катастрофического голода в советской России служила дополнительным фактором для подобных дискуссий.

Международная конференция членов Верховного экономического совета Антанты в Брюсселе (6–8 октября 1921 г.), обсуждавшая вопрос о голоде, выдвинула условия для предоставления кредитов Москве. Речь шла о признании «царских долгов» и обеспечении гарантий для финансово-экономической деятельности в Стране Советов [Orde, p. 162–163]. «Русский вопрос» являлся в этом смысле важным компонентом более общей проблемы: на каких основаниях будет осуществлена послевоенная реконструкция?

Реагируя на условия, выдвинутые Брюссельской конференцией, нарком по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерин в ноте от 28 октября предложил «скорейший созыв международной конференции» для рассмотрения взаимных финансовых претензий и заключения «окончательного мирного договора» [ДВП СССР, т. 4, с. 447]. Эта нота рассматривается в качестве «отправного пункта для будущей Генуэзской конференции» [Шишкин, с. 294]. Однако, как свидетельствовала телеграмма Чичерина заместителю полпреда в Великобритании Я. А. Берзину от 4 сентября, идея о созыве международной конференции присутствовала в Москве раньше [Сергеев, с. 391–392].

Дискуссии по «русскому вопросу» были тесно связаны и с новым витком в обсуждении проблемы германских репараций. Осенью 1921 г. накапливались симптомы того, что в платежах намечался срыв. Курс немецкой марки стремительно падал, а правительство Веймарской Республики не собиралось проводить структурные реформы, требуемые Антантой. Визит в Берлин, осуществленный 9–19 ноября, произвел на членов репарационной комиссии негативное впечатление: было ясно, что приближавшиеся платежи будут сорваны [TNA. Cab. 24/131 (Note by Bradbury, 21 November 1921). F. 250–261].

Рецепты выхода из ситуации различались. Британские представители, как следовало из записки от 7 ноября за авторством Дж. Бредбери, члена репарационной комиссии от Соединенного Королевства, ратовали за предоставление германским властям «либерального моратория».

рия» [TNA. Cab. 24/131. F. 223]. Французы считали подобный подход слишком мягким и требовали от Германии гарантий, которые подтвердили бы серьезность намерений Берлина возобновить платежи [TNA. Cab. 31/11 (Memo by Loucheur, 20 December 1921). F. 12].

Немецкая сторона была в курсе англо-французских разногласий и рассчитывала использовать их, разыграв, среди прочего, советскую «карту». 19–24 ноября Лондон посетил металлургический и каменно-угольный магнат Г. Стиннес; вслед за ним в британскую столицу отправился В. Ратенау, вскоре занявший пост министра иностранных дел. По результатам визита (28 ноября – 9 декабря) Ратенау пришел к выводу, что Ллойд Джордж нацелен на ликвидацию «всех международных долгов и репараций» (за исключением некоторых платежей в пользу Франции и Великобритании) [Orde, p. 173]. Очевидно, что подобный настрой британского премьер-министра не стимулировал Берлин спешить с выплатами по репарациям. Во время встречи, состоявшейся 28 ноября, Ллойд Джордж и Ратенау сошлись на том, что Германия «спасла Запад от большевизма», что демонстрировало благожелательный настрой британского премьер-министра в отношении Берлина [Volkov, p. 196].

20 декабря Ратенау, вновь находившийся в британской столице, убеждал министра финансов Великобритании Р. Хорна и Лушэра в необходимости вступить в официальные отношения с советской властью. Последняя являлась, согласно германскому политику, единственной преградой на пути хаоса в России и эволюционировала в сторону умеренности [DBFP, vol. 15, p. 776–777]. Лушёр отметил, что Франция «не желает коллапса Германии», однако британский кабинет министров не исключал того, что власти Третьей Республики могут в случае дефолта Веймарской Республики оккупировать Рур, что плохо коррелировало со словами французского бизнесмена [TNA. Cab. 23/27 (Cabinet Conclusions, 16 December 1921). F. 272].

Предложенный Ратенау и Стиннесом в Лондоне проект международного консорциума для реконструкции России должен был увязать в единое целое выплату германских репараций, активизацию торговли в Восточной Европе и сближение с британским и французским бизнесом. Сама идея консорциума появилась еще летом 1921 г. в кругах германской электроэнергетической компании АЕГ (Ратенау был сыном ее основателя, а его конфидент Ф. Дойч занимал пост председателя совета директоров) [Orde, p. 177]. Как суммирует американский историк Р. Химмер, «согласно этой схеме, Германия займется восстановлением всей российской железнодорожной сети при финансовой поддержке со стороны Британии, Франции и, возможно, Соединенных Штатов, а также при условии введения моратория на репарационные платежи. Работы начнутся в прибрежных районах, постепенно продвигаясь вглубь российской территории, к источникам сырья, добыча которого обеспечит финансы для дальнейшего строительства железных дорог. По мере развития комму-

никаций и разработки месторождений будут восстановлены и промышленные предприятия» [Himmer, p. 157].

Таким образом, к ноябрю 1921 г. между британской и немецкой точками зрения по проблемам европейской реконструкции и «русскому вопросу» наблюдалась близость. Лондон и Берлин исходили из моратория на выплату германских репараций, а также надеялись активизировать торговлю в Европе, одним из «моторов» которой стало бы германское «проникновение» в советскую Россию.

Визит в Лондон, предпринятый Лушёром (8–10 декабря), а затем поездка Бриана (19–21 декабря) продемонстрировали, что французская сторона согласна отнюдь не со всеми аспектами «великого замысла» Ллойд Джорджа. Во время встречи с Лушёром 8 декабря, когда Ллойд Джордж поставил вопрос о том, готова ли Франция признать советскую Россию в скором времени, его собеседник не дал прямого ответа [Loucheur, p. 186].

Обсуждая «русский вопрос» с Брианом в Лондоне, британский премьер-министр сосредоточился на проекте консорциума. Собеседники стремились избежать каких-либо утечек в прессу относительно этого проекта, а также закамуфлировать его заточенность на России, предпочитая обтекаемо говорить о «реконструкции Европы» [DBFP, vol. 15, p. 777; DDF, 2005b, p. 957]. Однако в сердцевине идеи консорциума лежал именно определенный вариант решения русского и отчасти германского «вопросов».

Ллойд Джордж убеждал Бриана в том, что без активизации германского экспорта в страны Центральной и Восточной Европы, в том числе в советскую Россию, державам Антанты не получить репараций [DBFP, vol. 15, p. 765; DDF, 2005b, p. 951]. Развивая идеи, высказанные Стиннесом и Ратенау, Хорн, однако, внес важное изменение, с которым Ратенау не был первоначально согласен. 50 % германской доли в консорциуме должно было принадлежать правительству Веймарской Республики; доходы с этого пакета акций пошли бы на выплату репараций [DBFP, vol. 15, p. 777, 782; DDF, 2005b, p. 957, 960].

На позицию, занятую Брианом во время переговоров в Лондоне, а затем в Каннах по «русскому вопросу», серьезное влияние оказывал проект англо-французского пакта. Его основой должна была стать британская гарантия безопасности Франции на случай неспровоцированной агрессии Германии. Проект пакта обсуждался с 5 декабря 1921 г. – беседы посла Франции в Великобритании Ш. де Сент-Олера с британским министром иностранных дел Дж. Кёрзоном [Магадеев, с. 263–264]. Для Бриана пакт был целью, ради достижения которой он был готов идти на уступки Ллойд Джорджу, в том числе по «русскому вопросу».

Несмотря на примирительный настрой председателя Совета министров Франции, переговоры в Лондоне выявили англо-французские разногласия. Французский политик выражал сомнение в том, что торговля с советской Россией, учитывая социально-экономическое состояние последней, может принести прибыль [DBFP, vol. 15, p. 765;

DDF, 2005b, p. 951]. Бриан намекал на слабость контроля большевиков над российской провинцией, не исключал крестьянских восстаний в РСФСР и призывал относиться к советской власти как к чему-то временному [DBFP, vol. 15, p. 779; DDF, 2005b, p. 957]. Вместе с тем председатель Совета министров Франции, мастер политического лавирования, не исключал и другого сценария – признания лидерами умеренного крыла большевиков (к ним он относил В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого) частной собственности и «царских долгов». Это изменило бы отношение к большевикам со стороны французских держателей ценных бумаг. Как только последние «поймут, что могут ожидать получить свои деньги из рук революционеров, они сами станут сторонниками революции», – заверял Бриан [DBFP, vol. 15, p. 784; DDF, 2005b, p. 960].

Все же французский политик призывал действовать осторожно, намекая на то, что курс на нормализацию отношений с большевиками может вызвать негативную реакцию среди французских вкладчиков. Ллойд Джордж не ставил вопроса об официальном признании большевиков, однако подчеркнул, что даже один из преемников Бриана, стоявший правее, нынешний президент Третьей Республики Мильеран, в июне 1920 г. выражал готовность торговать с большевиками при отсутствии официальных отношений с ними. Премьер-министр Великобритании не преминул провести неприятную для Бриана параллель между большевиками и кемалистами: если Париж готов взаимодействовать с Анкарой (в октябре 1921 г. французами был подписан договор о прекращении боевых действий с кемалистами), то почему же не сделать то же самое и в случае Москвы? [DBFP, vol. 15, p. 779].

Ллойд Джордж был доволен итогами переговоров, считая, что сторонам удалось перейти через «препятствия, казавшиеся непреодолимыми», и договориться о созыве ВСА в Каннах [DBFP, vol. 15, p. 776, 789, 793]. 22 декабря был подготовлен ряд программных документов о способах экономического восстановления Европы, в которых получили отражение прежде всего британские концепции. «Возможно, в документе сделан слишком большой акцент на роли России в экономической жизни Европы», – комментировал их Ж. Сейду, глава Департамента торговых отношений МИД Франции [AN. Sous-série 470. (Note de Seydoux, s. d.). AP. Vol. 81].

Несмотря на подобные оценки, встреча британских и французских экспертов в Париже (30–31 декабря) подтвердила готовность французской дипломатии идти вслед за Ллойд Джорджем. Согласованные тогда материалы должны были подготовить решения Каннской конференции. Ряд британских идей о международном консорциуме (его централизованная структура, расположение штаб-квартиры в Лондоне и номинирование капитала в фунтах стерлингов) вызвал у Сейду возражения. Однако итоговый вывод дипломата был позитивным. С его точки зрения, проект обеспечит «сотрудничество союзников в деле реорганизации России и позволит нейтрализовать план Стиннеса. <...> Мы также сможем нейтрализовать колоссальную угро-

зу, о которой не раз упоминал г-н Ллойд Джордж, – союз Германии и России, который не будет находиться под контролем цивилизованных наций Европы и будет направлен против них». Сейду ратовал за создание в рамках консорциума узкого франко-британского комитета, который выполнял бы руководящие функции [AN. Sous-série 470 (Note de Seydoux, s. d.). AP. Vol. 81]. В целом проект консорциума отводил России явно подчиненную роль в процессе европейской реконструкции. Он был призван сделать из России объект, а не субъект европейской политики, пространство для приложения иностранных капиталов и звено в системе получения германских репараций.

Каннская резолюция и контекст ее принятия

Совещание ВСА в Каннах собрало, как и предыдущие встречи подобного формата, представителей Великобритании, Франции, Италии, Бельгии и Японии. Представитель США присутствовал в качестве наблюдателя и не принимал активного участия в дискуссиях [FRUS, p. 384]. 12 января на заседании конференции выступили также делегаты от Германии.

Тренд на привилегированный диалог Великобритании и Франции был закреплен уже в тайминге проведения Каннской конференции. Ллойд Джордж и Бриан встретились в Каннах 4 января, за два дня до официального начала конференции, и обсудили прежде всего вопрос об англо-французском пакте [DBFP, vol. 19, p. 1–7; DDF, 2007, p. 26–32]. Однако в тот же день Ллойд Джордж побеседовал со своим итальянским визави И. Бономи и больше говорил о «русском вопросе», зная о готовности Рима пойти на нормализацию отношений с большевиками. Ллойд Джордж не исключал того, что в обмен на реализацию международного консорциума Москва потребует установления дипломатических отношений. Он перечислил хорошо известные условия для такого шага: это признание «царских долгов»; возмещение ущерба, нанесенного иностранцам; независимая судебная система как гарантия защиты для иностранных инвестиций. В ответ Бономи не только подчеркнул, что Великобритания и Италия «разделяют общие идеи в отношении Германии и России», но и отметил, что Рим находится на пути «официального признания России» [DBFP, vol. 19, p. 9].

Негласная англо-французская борьба за союзников в лице Бельгии и Италии, заметная еще во время лондонских переговоров Бриана и Ллойда Джорджа [DBFP, vol. 15, p. 781], продолжилась в Каннах. В ходе конференции, когда речь шла об обсуждении «русского вопроса», итальянская дипломатия, как правило, склонялась в пользу британской позиции. Бельгийские же представители (премьер-министр Ж. Тёнис и министр иностранных дел А. Жаспар) своей главной целью считали отстаивание так называемого бельгийского приоритета (получение Бельгией эквивалента 2,5 млрд золотых франков из первых репарационных платежей Германии) [Conseil des ministres, 28 décembre 1921, f. 410]. Французская дипломатия надеялась перетянуть бельгийцев,

имевших серьезные капиталы и собственность в дореволюционной России (общим объемом около 3,5 млрд золотых франков), на свою сторону [Conseil des ministres, 16 janvier 1922, f. 14]. Японские делегаты в Каннах – посол в Великобритании Гонсукэ Хаяси и посол во Франции Кикудзиро Исии – не принимали активного участия в обсуждении «русского вопроса», однако стремились не допустить того, чтобы решения по нему нанесли ущерб интересам Японии на Дальнем Востоке.

Каннская резолюция – ключевое решение конференции по «русскому вопросу» и важная веха в его обсуждении после 1917 г. – отражала преимущественно британскую точку зрения. Проект резолюции, предложенный Ллойд Джорджем [TNA. Cab. 31/11. F. 72], был обсужден 6 января на пленарном заседании конференции. К основной части проекта, содержащей условия для созыва международной экономической конференции (по настоянию Бриана она стала называться «экономической и финансовой конференцией»), был предложен ряд поправок [DBFP, vol. 19, p. 30–35].

Пункт 1 о невмешательстве во внутреннюю экономическую и политическую жизнь, ранее изложенный в более развернутой форме, с указанием тех сфер (собственность на землю, шахты, железнодорожный транспорт и др.), в которых каждое государство самостоятельно определяло порядки, приобрел по предложению Жаспара обтекаемую форму. Напротив, содержание пункта 3а по настоянию того же бельгийского делегата было уточнено. Теперь речь шла о признании «всех публичных долгов и обязательств», заключенных или гарантированных не только государством, но также «муниципалитетами или другими общественными учреждениями». Французская сторона предложила поправку к пункту 5. В нем речь шла об отказе «от всякой пропаганды, направленной на ниспровержение порядка и политической системы». Бриан опасался использования его большевиками для противодействия любой французской пропаганде, однако его предложения по модификации данной формулировки были отклонены. Аналогичная судьба постигла поправку Исии к пункту 6 (обязательство воздерживаться «от каких бы то ни было враждебных действий против своих соседей»). Японский делегат опасался, что советское правительство воспользуется этим пунктом, «дабы опротестовать присутствие японских солдат в Сибири».

На заседании 6 января было определено место созыва конференции – Генуя. Этот город Бономи предложил на встрече с Ллойд Джорджем 5 января [DBFP, vol. 19, p. 16], хотя советская сторона согласилась на него не сразу, предпочитая Лондон [Сергеев, с. 396]. Была намечена и дата открытия конференции – 1 марта, хотя в последующем сроки проведения встречи были изменены. Чичерин оперативно отреагировал на приглашение поучаствовать в запланированной конференции, отправленное МИД Италии 7 января. Нарком подчеркнул, что правительство РСФСР «с удовлетворением принимает» его [ДВП СССР, т. 5, с. 47].

Согласно британской исследовательнице З. Стейнер, каннская резолюция «была сознательно наполнена амбивалентностями и противоречиями, поскольку премьер-министр [Великобритании] стремился одновременно защитить капиталистические державы и иностранных инвесторов от методов, применявшихся большевиками, и подтвердить право Советов на свою систему собственности, организации экономики и правительства» [Steiner, p. 209]. За этими амбивалентностями скрывались и англо-французские противоречия. Желая смягчить общий посыл резолюции, «подразумевавший эвентуальное признание Советов», Бриан добился в последнем параграфе замены изначальной формулировки («Если российское правительство... потребует полного признания...») на чуть менее сильную (теперь речь шла об «официальном признании») [DBFP, vol. 19, p. 34]. Однако подобная правка не отменяла сути. Бриан, уступая Ллойд Джорджу, пошел на явное смягчение прошлой французской позиции.

Доминирование британской точки зрения было зафиксировано также в резолюциях конференции по проекту международного консорциума, непосредственно связанного с «русским вопросом» [TNA. Cab. 24/132. F. 271]. Предполагалось, что штаб-квартира консорциума будет находиться в Лондоне и действовать на основе британского права. Вместо руководящего франко-британского комитета, против которого выступили другие члены ВСА, был сформирован комитет из представителей пяти стран. Вместе с тем французам удалось добиться отказа от номинирования капитала исключительно в фунтах, а также от схемы централизованной компании. Наряду с советом головной корпорации в Лондоне предполагалось создание национальных компаний, хотя решения совета были обязательны для последних [DBFP, vol. 19, p. 66–69, 82].

Ключевым фактором уступок со стороны Бриана был активно обсуждавшийся в ходе Каннской конференции англо-французский пакт. Ранее исследователи не обращали внимания на то, что приведенный выше пункт 6 Каннской резолюции (обязательства о ненападении) был опосредованно связан с дискуссиями по пакту. 4 января после беседы двух премьер-министров французам была передана британская памятная записка, пояснявшая условия пакта. Предполагалось, что договор о взаимных гарантиях между Великобританией и Францией будет включен в более широкую систему европейской безопасности, важным элементом которой станет общеевропейский договор о ненападении. Британская дипломатия подавала этот договор как способ предотвратить разделение Европы на два лагеря: «Крайне важно не допустить того, чтобы конфликт между враждебными социально-экономическими системами, который так обострила Русская революция, усугубил взаимные опасения государств и привел к новой войне» [TNA. Cab. 24/132. F. 113–114]. Сама идея сочетания англо-французского пакта и более широкого соглашения (в виде консультативного пакта по модели Договора четырех, заклю-

ченного по итогам Вашингтонской конференции 1921–1922 гг.) была предложена Брианом во время переговоров в Лондоне 21 декабря [DBFP, vol. 15, p. 786].

5 января, во время встречи с Ллойд Джорджем, Бриан развил идеи британского проекта и вернулся к своим более ранним тезисам. Важным элементом общеевропейского соглашения, с его точки зрения, должно было стать «обязательство со стороны России не нападать на Польшу, на страны Балтии, Финляндию и Чехословакию, а также аналогичное обязательство со стороны Германии» (Румыния не была упомянута, вероятно, из-за невнимательности) [DBFP, vol. 19, p. 13]. В телеграмме от 8 января, отправленной в Париж, Бриан писал о том, что пункт 6 Каннской резолюции был инициирован именно им, а не Ллойд Джорджем [AN. Sous-série 470. AP Vol. 81]. Это утверждение представляется не совсем точным, но французский след действительно присутствовал, хотя современники и исследователи редко отмечали это обстоятельство. В марте 1922 г. Ллойд Джордж, рассматривавший многосторонний пакт о ненападении как свое детище, видел в его заключении главную цель Генуэзской конференции [Сергеев, с. 402].

«Русский вопрос» и отставка Бриана

Уступки, на которые шел Бриан в Каннах, не остались незамеченными в Париже. Принятие Каннской резолюции вызвало резко негативную реакцию Мильерана, о чем свидетельствовала его телеграмма Бриану от 7 января. Основное недовольство вызвали два обстоятельства: во-первых, возможность для большевиков участвовать в экономической конференции без эксплицитного согласия с условиями Каннской резолюции (согласие требовалось лишь для официального признания РСФСР); во-вторых, опасение, что проект многостороннего пакта о ненападении ограничит возможности Франции использовать «принудительные меры» в отношении Германии [AN. Sous-série 470. AP. Vol. 81]. По мере развития конференции еще большее неприятие Мильерана и председателя комиссии Сената по иностранным делам Р. Пуанкаре вызывала готовность Бриана пойти на мораторий по репарациям, не потребовав от Германии дополнительных гарантий и «залогов» [DDF, 2007, p. 10, 51–52, 56, 69–70].

На пленарном заседании конференции 10 января Бриан попытался учесть критику Мильерана и поставил вопрос о том, чтобы согласие с Каннской резолюцией стало условием для приглашения большевиков в Геную. Натолкнувшись на негативный ответ Ллойд Джорджа, поддержанного Жаспаром, Бриан достаточно легко сдался, отметив лишь необходимость четко зафиксировать его позицию в протоколе (вероятно, это был способ обелить себя перед Мильераном) [DBFP, vol. 19, p. 92]. Ллойд Джордж, приманивая французского визави перспективой англо-французского пакта, стремился получить от него максимум уступок, несильно беспокоясь о судьбе правительства Бриана. Британский кабинет министров, как следовало из стенограммы от 16 де-

кабря 1921 г., исходил из странной логики. Прогнозируя скорую смену правительства во Франции, неназванный член кабинета считал тогда, что с вероятным сменщиком Бриана (Пуанкаре) договориться будет легче [TNA. Cab. 23/27. F. 273]. Неудачи Франции на проходившей параллельно Вашингтонской конференции также не способствовали укреплению позиций Бриана в глазах британских политиков.

Новый тур телеграфной переписки, состоявшийся 10 января, продемонстрировал серьезное напряжение между Мильераном и Брианом. Президент фактически обвинил адресата в невыполнении согласованных ранее инструкций, а последний потребовал созыва Совета министров для того, чтобы расставить точки над *i* [AN. Sous-série 470. AP. Vol. 81]. 12 января Бриан был в Париже. Окончательный расклад сил в правительстве и Палате депутатов оставался неясен, однако Бриан решил подать в отставку, не вынося вопрос на голосование в парламенте [DDF, 2007, p. 85]. Не исключено, что, помимо отступничества близких к нему деятелей (прежде всего военного министра Л. Барту), свою роль сыграло то, что Бриан оценил доминировавшие в Париже настроения и счел более выгодным для себя уйти со сцены, сохранив шансы вернуться позже.

«Русский вопрос» сыграл свою роль в перипетиях французской политической жизни. Речь шла не только о противоречиях по нему между жестко настроенным Мильераном и более уступчивым Брианом, но и о том, что данный вопрос затрагивал широкие слои французского населения. Общее число французских граждан, владевших российскими ценными бумагами и акциями российских компаний, достигало, согласно правительственному опросу, проведенному в 1919 г., около 1,6 млн чел. [Враг, противник, союзник?, с. 465]. Об их обеспокоенности накануне Каннской конференции говорило письмо, отправленное Бриану 2 января 1922 г. Ж. Нулансом, бывшим французским послом в России и председателем основной организации французских вкладчиков («Генеральной комиссии по защите французских интересов в России»). Нуланс напомнил о масштабе французских средств, вложенных в дореволюционную Россию (около 25 млрд франков), намекая на необходимость потребовать компенсаций от большевиков [DDF, 2007, p. 7–10]. 4 января Нуланс известил Мильерана о своем письме, адресованном Бриану [AN. Sous-série 470. AP. Vol. 81].

В давлении президента Франции на Бриана, среди прочего, можно увидеть отголоски позиции французских вкладчиков, которую озвучил Нуланс. В частном письме от 19 января российский эмигрант и бывший посол во Франции В. А. Маклаков так суммировал ситуацию: «Когда общественное мнение увидало, что в 24 часа от абсолютного отрицания Ленина доходят до его полного признания, что Ленин может сидеть на конференции рядом с французскими министрами и вместе с ними рассуждать о восстановлении всей Европы, в том числе и Германии, это переполнило чашу. На этом Бриан и пал...» [«Совершенно лично и доверительно!», с. 163].

Таким образом, ход и результаты англо-французских переговоров в Лондоне, а также итоги Каннской конференции зафиксировали различные грани «русского вопроса» в той форме, в какой он стоял в европейской политике в конце 1921 – начале 1922 г. Конференция в Каннах, ставшая прологом Генуи, продемонстрировала напористость Ллойд Джорджа в отстаивании замысла по экономической реконструкции и политическому «умиротворению» Европы. Одним из ключевых элементов этого замысла было урегулирование «русского вопроса».

Ллойд Джорджа, готового идти дальше, чем французские политики, в деле нормализации контактов с большевиками, сложно было заподозрить в просоветском уклоне. Скорее речь шла, как рассчитывал британский премьер-министр, об изолированной попытке использовать «русский вопрос» в интересах Великобритании и поспособствовать внутренней трансформации советского режима, а также заработать внутривнутриполитические очки в случае успеха Генуэзской конференции. В политическом отношении Ллойд Джордж рассчитывал снизить напряженность в Старом Свете за счет пакта о ненападении, не накладывавшего на Великобританию никаких специальных обязательств на востоке Европы. В торгово-экономическом отношении проект международного консорциума должен был консолидировать западный бизнес в деле эксплуатации России при негласном немецком лидерстве на этом направлении. Вместе с тем весомая доля плодов германской активности перетекала бы во Францию и Великобританию в виде платежей по репарациям. Однако, как продемонстрировал Рапалльский договор, возможности Ллойд Джорджа по управлению германскими действиями были не такими внушительными, как иногда казалось в Лондоне.

Дискуссии в Каннах выявили и «второе дно». «Русский вопрос» не только был предметом дипломатии, но и затрагивал материальные интересы широких слоев населения и элит (особенно во Франции). Согласование международных компромиссов и внутривнутриполитических настроений оставалось непростой задачей. Де-факто поспособствовав падению кабинета Бриана, Ллойд Джордж натолкнулся в лице Пуанкаре на более жесткого партнера. Каннская конференция продемонстрировала, что предложенный Лондоном вариант решения «русского вопроса» не пользуется всеобщим одобрением даже среди стран Антанты. В этом смысле встреча в Каннах стала не только прологом Генуи в хронологическом отношении, но и определенным предзнаменованием тех сложностей, с которыми столкнулась международная экономическая и финансовая конференция в дальнейшем.

Список литературы

Аришнцеева О. А. Европейская политика Англии и Генуэзская конференция 1922 г. // Изв. Алтай. гос. ун-та. 2004. № 4 (34). С. 22–26.

Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг. : в 2 т. / отв. ред. А. Ю. Павлов. СПб. : РХГА, 2021. Т. 2. 892 с.

Документы внешней политики СССР : в 24 т. М. : Политиздат, 1957–2000. Т. 4. 836 с. Т. 5. 807 с. (ДВП СССР).

История Германии : в 3 т. / под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. М. : КДУ, 2008. Т. 3. 592 с.

Магадеев И. Э. В тени Первой мировой войны: дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М. : Аспект Пресс, 2021. 864 с.

Сергеев Е. Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб. : Наука, 2019. 831 с.

«Совершенно лично и доверительно!»: Б. А. Бахметев – В. А. Маклаков : переписка : в 3 т. / под ред. О. В. Будницкого. М. : РОССПЭН, 2001. Т. 2. 672 с.

Хормач И. А. Советское государство на международной конференции в Генуе по экономическим и финансовым вопросам. 10 апреля – 19 мая 1922 года // Новая и новейшая история. 2020. № 3. С. 80–106. DOI 10.31857/S013038640009146-8.

Шишкин В. А. Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг. Л. : Наука, 1969. 440 с.

AN. Sous-série 470. Archives privées (AP). Vol. 81.

Conseil des ministres, 28 décembre 1921 // Les archives de l'État en Belgique : [website]. URL: http://extranet.arch.be/510_1527_000_B/510_1527_000_04611_000/510_1527_000_04611_000_00_0120.pdf (accessed: 13.02.2022).

Conseil des ministres, 16 janvier 1922 // Les archives de l'État en Belgique : [website]. URL: http://extranet.arch.be/510_1527_000_B/510_1527_000_04611_000/510_1527_000_04611_000_00_0159.pdf (accessed: 13.02.2022).

Documents diplomatiques français. 1920–1932 / sous la dir. de Ch. Baechler. Bruxelles : P. I. E. Lang, 2005a. T. 2. 847 p. (DDF).

Documents diplomatiques français. 1921. Annexes. Bruxelles : P. I. E. Lang, 2005b. 963 p. (DDF).

Documents diplomatiques français. 1922. Bruxelles : P. I. E. Lang, 2007. T. 1. 837 p. (DDF).

Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Ser. 1 / ed. by W. Medlicott et al. L. : HMSO, 1919–1974. Vol. 15. 835 p. Vol. 19. 1138 p. (DBFP).

Fink C. The Genoa Conference: European Diplomacy, 1921–1922. Syracuse : Syracuse Univ. Press, 1993. 365 p.

Foreign Relations of the United States : in 375 Vols. Washington : GPO, 1938. Vol. 1. 1075 p. (FRUS).

Himmer R. Rathenau, Russia, and Rapallo // Central Europ. History. 1976. Vol. 9, № 2. P. 146–183.

Hogenhuis-Seliverstov A. French Plans for the Reconstruction of Russia: A History and Evaluation // Genoa, Rapallo, and European Reconstruction in 1922 / ed. by C. Fink, A. Frohn, J. Heideking. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1991. P. 131–148.

Loucheur L. Carnets secrets. Bruxelles : Brepols, 1962. 189 p.

Orde A. British Policy and European Reconstruction after the First World War. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2002. 357 p.

Steiner Z. The Lights that Failed: European International History 1919–1933. Oxford : Oxford Univ. Press, 2005. 956 p.

TNA. Cabinet Office 23/27, 24/131, 24/132, 31/11.

Volkov S. Walther Rathenau: Weimar's Fallen Statesman. N. Haven : Yale Univ. Press, 2012. 256 p.

White S. The Origins of Détente: The Genoa Conference and Soviet-Western Relations, 1921–1922. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1985. 255 p.

References

AN. Sous-série 470. Archives privées (AP). Vol. 81.

Arshintseva, O. A. (2004). Evropeiskaya politika Anglii i Genuevskaya konferentsiya 1922 g. [The European Policy of England and the Genoa Conference in 1922]. In *Investiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4 (34), pp. 22–26.

Baechler, Ch. (Ed.). (2005a). *Documents diplomatiques français. 1920–1932*. Bruxelles, P. I. E. Lang. Vol. 2. 847 p. (DDF).

Baechler, Ch. (Ed.). (2005b). *Documents diplomatiques français. 1921. Annexes*. Bruxelles, P. I. E. Lang. 963 p. (DDF).

Baechler, Ch. (Ed.). (2005b). *Documents diplomatiques français. 1922*. Bruxelles, P. I. E. Lang. Vol. 1. 837 p. (DDF).

Bonvech, B., Galaktionov, Yu. V. (Eds.). (2008). *Istoriya Germanii v 3 t.* [History of Germany. 3 Vols.]. Moscow, KDU. Vol. 3. 592 p.

Budnitskii, O. V. (Ed.). (2001). “*Sovershenno lichno i doveritel’no!*”: B. A. Bakhmetev – V. A. Maklakov. *Perepiska v 3 t.* [“Strictly Personal and Confidential!”: B. A. Bakhmetev – V. A. Maklakov. Correspondence. 3 Vols.]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 2. 672 p.

Conseil des ministres, 16 janvier 1922. In *Les archives de l’État en Belgique* [website]. URL: http://extranet.arch.be/510_1527_000_B/510_1527_000_04611_000/510_1527_000_04611_000_00_0159.pdf (accessed: 13.02.2022).

Conseil des ministres, 28 décembre 1921. In *Les archives de l’État en Belgique* [website]. URL: http://extranet.arch.be/510_1527_000_B/510_1527_000_04611_000/510_1527_000_04611_000_00_0120.pdf (accessed: 13.02.2022).

Dokumenty vneshnei politiki SSSR v 24 t. [Documents on Soviet Foreign Policy. 24 Vols.]. (1957–2000). Moscow, Politizdat. Vol. 4. 836 p. Vol. 5. 807 p. (DVP SSSR).

Fink, C. (1993). *The Genoa Conference: European Diplomacy, 1921–1922*. Syracuse, Syracuse Univ. Press. 365 p.

Foreign Relations of the United States. 375 Vols. Washington, GPO, 1938. Vol. 1. 1075 p. (FRUS).

Himmer, R. (1976). Rathenau, Russia, and Rapallo. In *Central Europ. History*. Vol. 9. No. 2, pp. 146–183.

Hogenhuis-Seliverstoff, A. (1991). French Plans for the Reconstruction of Russia: A History and Evaluation. In Fink, C., Frohn, A., Heideking, J. (Eds.). *Genoa, Rapallo, and European Reconstruction in 1922*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, pp. 131–148.

Hormach, I. (2020). Sovetskoe gosudarstvo na mezhdunarodnoi konferentsii v Genue po ekonomicheskim i finansovym voprosam. 10 aprelya – 19 maya 1922 goda [The Soviet State at the International Conference in Genoa on Economic and Financial Matters, 10 April – 19 May 1922]. In *Novaya i noveishaia istoriia*. No. 3, pp. 80–106. DOI 10.31857/S013038640009146-8.

Loucheur, L. (1962). *Carnets secrets*. Bruxelles, Brepols. 189 p.

Magadeev, I. E. (2021). *V teni Pervoi mirovoi voiny: dilemmy evropeiskoi bezopasnosti v 1920-e gody* [In the Shadow of the First World War: Dilemmas of European Security in the 1920s.]. Moscow, Aspekt Press Publ. 864 p.

Medlicott, W. et al. (Eds.). (1919–1974). *Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Ser. I. L.*, HMSO. Vol. 15. 835 p. Vol. 19. 1138 p. (DBFP).

Orde, A. (2002). *British Policy and European Reconstruction after the First World War*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 357 p.

Pavlov, A. Yu. (Ed.). (2021). *Vrag, protivnik, soyuznik? Rossiya vo vneshnei politike Frantsii v 1917–1924 gg. v 2 t.* [Enemy, Rival, or Ally? Russia in French Foreign Policy, 1917–1924. 2 Vols.]. St Petersburg, Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya. Vol. 2. 892 p.

Sergeev, E. Yu. (2019). *Bol’sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskie otnosheniya, 1918–1924 gg.: ot interventsii k priznaniyu* [The Bolsheviks and the British. Soviet-British Relations, 1918–1924: From Intervention to Recognition]. St Petersburg, Nauka. 831 p.

Shishkin, V. A. (1969). *Sovetskoe gosudarstvo i strany Zapada v 1917–1923 gg.* [The Soviet State and the Western Countries in 1917–1923]. Leningrad, Nauka. 440 p.

Steiner, Z. (2005). *The Lights That Failed: European International History 1919–1933*. Oxford, Oxford Univ. Press. 956 p.

TNA. Cabinet Office 23/27, 24/131, 24/132, 31/11.

Volkov, S. (2012). *Walther Rathenau: Weimar’s Fallen Statesman*. N. Haven, Yale Univ. Press. 256 p.

White, S. (1985). *The Origins of Détente: The Genoa Conference and Soviet-Western Relations, 1921–1922*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 255 p.

The article was submitted on 30.08.2021